

© 1997 г.

Н.А. АИТОВ

ИСТОРИЯ С ИСТОРИЕЙ СОЦИОЛОГИИ

АИТОВ Нариман Абдаррахманович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии Казахского национального университета им. аль-Фараби.

В январе 1960 г. я провел первое (и не очень удачное) социологическое исследование и с тех пор вот уже более 36 лет занимаюсь этой наукой — сначала в чисто исследовательском плане, а последние 7 лет - преподаю социологические дисциплины.

Тогда, в 1960 г., нас - доморощенных одиночек-социологов - было едва ли два десятка на весь Советский Союз. У нас было больше желания, чем умения заниматься

социологией. Сплотила нас совместная борьба за создание и выживание социологии, которую тогда часто называли "буржуазной проституткой".

Об этом вспомнилось, когда мне в руки попала книга, изданная Институтом социологии РАН и Московским научным фондом - "Социология России" (М: изд. "На Воробьевых", 1996 г., 700 с.). Пахнуло нашей молодостью, поисками, мучениями тех лет. Эту книгу прочитал взахлеб, одним духом. В самом деле, она получилась интересной. И главное: никто до авторов данного труда не пытался обобщить большой научный путь, который прошла отечественная социология. Все писали только о Карееве, Михайловском, П. Сорокине. Да и трудно писать историю событий, которые произошли относительно недавно, и большинство участников которых еще живы.

Книга сделана добросовестно, и является в полной мере исторической в том смысле, что в ней нет исторической неправды, искаженных фактов.

И все же книга заставляет задумываться над тем, как надо писать историю науки. Когда, например, пишут историю физики, то отмечают, что Архимед открыл закон, по которому предметы плавают, Ньютон - закон всемирного тяготения, Ом - закон электрической цепи, Резерфорд заложил основы учения о радиоактивности и строении атома и т.д., т.е. пишут не о том, что человек делал, а о том, что он сделал. При этом историки физики описывают эту науку не как нагромождение отдельных, не связанных друг с другом открытий, а как определенный поток приращения знаний, в котором открытия Эйнштейна вытекают из открытий Ньютона.

К сожалению, первая попытка создания истории советской социологии оказалась несовершенной. Из нее становится известным, что в Уфе исследовали одно, в Новосибирске - другое, в Ленинграде - третье. И остается в большинстве случаев загадкой: кто и что открыл и открыл ли вообще что-нибудь. (Есть здесь лишь одно исключение: подробно рассказано, как и что нового открыл в области отношения рабочих к труду В.А. Ядов - главный редактор книги.) А внесла ли советская социология вклад в мировую социологию или так и осталась бедной ученицей западных социологов? - На эти вопросы в данном научном труде я не нашел ответа.

Между тем, эти вопросы очень важны, исходя из двух соображений. Вилен Иванов вполне справедливо пишет: "В основе новейшей западной (европейской) культуры лежит, как известно, идея примата личности (и индивида), ее прав и интересов. В основе восточноевропейского и азиатского менталитета лежит идея примата общности. И заменить одно на другое механическим, быстро под нажимом сверху без серьезных потерь невозможно" [1]. Государство казарменного социализма, существовавшее в нашей стране, резко отличалось от развитых капиталистических стран, и уже в силу этого многие теории и рецепты западных социологов оказывались не применимы в наших условиях.

Сейчас все страны СНГ существуют в условиях переходного периода, когда происходит трансформация казарменного социализма в капитализм. Такого явления не было в истории Западной Европы, США и Японии. Чем, например, в этих условиях нам может помочь теория Ральфа Дарендорфа о путях разрешения конфликтов? Возьмем лишь один факт - забастовки. (В Казахстане забастовки происходят исключительно из-за невыплаты зарплаты - Западная Европа этого не знает.) Причем, и в Казахстане, и в российском Приморье никто не знает, кто виноват в невыплате зарплаты. Вот и получается, что неизвестно против кого выступают бастующие. И как в таком случае нам могут помочь рецепты Р. Дарендорфа о путях решения конфликтов?

Именно несхожесть западных и восточных обществ и их менталитетов диктовала, используя опыт западной социологии, необходимость разработки своей теории социологии, адаптированной к реалиям советского общества (ныне - переходного общества). Справилась ли советская социология с этой задачей? - ответа на этот вопрос я в книге не нашел.

Второе соображение заключается в том, что в советской социологии фактически существовали два течения. Представители одного из них, в основном московские,

ленинградские и новосибирские социологи занимались "высокими" теориями, стараясь усвоить как можно больше из западной социологии. Безусловно, они имеют большие заслуги перед советской социологией хотя бы потому, что приобщили нас к выработке на Западе методике и технике социологических исследований.

Другое направление развивалось в провинции. Представителям этого течения были недоступны поездки за границу, затруднялся доступ к зарубежной литературе. Как правило, его развивали те, кто пришел в социологию с практической партийной и советской работы (как и автор данной статьи) и с устремленностью на достижение реальных результатов для решения многих накопившихся тогда (в советском обществе) проблем. К сожалению, это направление осталось в книге практически без освещения. Здесь подробно проанализирована работа только московских, ленинградских и новосибирских школ социологии (видимо, потому, что крупнейшие социологи этих школ в конечном итоге переехали в Москву). Проявляется даже своеобразный "ИС-центризм": в книге упомянут почти каждый младший научный сотрудник Института социологии РАН, но почти ничего не говорится о таких крупных ученых, как В.С. Семенов, Г.П. Давидюк, З.И. Файнбург, М. Межевич, Г.Ф. Куцев, В. Успенский, Ю. Васильчук, С. Ершов, В. Мордкович, которые внесли немалый вклад в отечественную социологию.

Вследствие такого подхода из книги выпали крупные разделы социологического знания, такие, например, как социология регионов (здесь весомый вклад внесли О.И. Шкаратан, М. Межевич и другие), а также социальное планирование и проектирование. Это второе направление слегка упоминается в главе по социологии труда. Видимо, автор этой главы слышал о социальном планировании на предприятиях, проблемы которого больше всего связаны с социологией труда. А вот о региональном социальном планировании не ведал. Оно, во-первых, не связано с социологией труда; во-вторых, им не занимались в Институте социологии.

Между тем социальное планирование и проектирование были крупнейшей попыткой решить ряд противоречий советского общества. Причем, попыткой, шедшей от "низов" партийной иерархии - в основном от секретарей парткомов предприятий, горкомов и райкомов. Я не знаю почти ни единого случая, когда бы это стихийное движение поддерживалось на уровне обкома или ЦК нацкомпартий. Надо сказать, что в ряде случаев социальное планирование помогало решить многие назревшие тогда проблемы. Его неправильно сводить-как это сделано в книге-только к решению вопросов развития социальной инфраструктуры. Важнейшей стороной социального планирования и проектирования являлось управление социальными процессами. Если бы использовались рекомендации социального планирования по регулированию национальных отношений, то, может быть, при распаде СССР не было бы такой меж-национальной резни.

Поэтому, несмотря на исчезновение государственного экономического планирования, социальное планирование и проектирование в странах СНГ вовсе не исчезло, как это считает А.И. Кравченко, - они долго еще нам будут нужны.

Из социологии образования, если судить по данной книге, исчезли фамилии Э.Н. Камышева, Б. Рубина, Ю. Колесникова, заложивших основы вузовской социологии, видимо, потому, что они - не москвичи. Парадоксально, но из социологии культуры исключены Л.Н. Коган, Э.С. Маркарян, В. Давидович. Можно социологию культуры отставить от Л. Когана, но нельзя Л. Когана отставить от социологии культуры.

Удивительно, что в книге нет даже упоминания о таком важном этапе развития нашей социологии, как советско-польское сравнительное исследование, результаты которого изложены в книге "Социальные проблемы труда и производства" (Москва - Варшава, 1969 г.), где впервые вышли со своими идеями на международную арену В. Ядов, В. Шубкин и З. Файнбург. Отсюда пошла советская социология труда.

Нет в книге упоминания о многих важнейших акциях советских социологов. Так, в начале 80-х годов было проведено всесоюзное исследование социальной структуры городского населения, охватывающее Россию, Эстонию, Литву, Киргизстан, Молда-

вию и Казахстан. Итоги этого уникального исследования были опубликованы в московской печати [2] и были определенным подходом к развитию теории социальной структуры. Но поскольку социологи ИС АН СССР в этом исследовании не участвовали, то о нем в книге по истории русской социологии нет ни слова.

Как видите, замечаний к первой книге по истории социологии России (а точнее СССР) довольно много. Но, думается, что они обусловлены именно тем, что это - первая книга в данном направлении, первая попытка. И мои замечания направлены именно для того, чтобы они были учтены при дальнейшей работе над историей советской социологии, внесшей немалый вклад в мировую социологию. Нельзя все перечеркивать в нашем советском прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Социс, 1996, №3, с. 22.
2. Советский город. Социальная структура. М.: Мысль, 1988.